

Он с детства рос в храме и относился к суевериям и судьбе с большим уважением, в отличие от Цзян Даня, который был более уверен в своих взглядах. Потому, слегка замедлив шаг, он немного отстал.

Цзян Дань, повернув голову, спросил:

— Ты не поверил тому шарлатану и не вернулся, чтобы отдать ему деньги?

Ши Юань покачал головой:

— Нет, просто послушал пару слов. Да, это действительно был шарлатан.

— Конечно, шарлатан, — легко ответил Цзян Дань, совершенно не придав значения зловещим словам.

Ши Юань немного помедлил, но в итоге не сказал Цзян Даню, что гадалка, с сожалением наблюдая, как тот уходит, вдруг заметила его и, немного растерявшись, улыбнулась с облегчением:

— Ладно, оказывается, это роковое любовное искушение, ничего страшного, ничего страшно...

Спустившись с горы, их снова вызвали в полицейский участок. После проверки выяснилось, что водитель, спровоцировавший аварию, почти одновременно с происшествием перенес сердечный приступ, то есть существовала вероятность, что авария произошла из-за его болезни.

Что касается предположения Ши Юаня о том, что машина преследовала их, полиция выяснила, что владелец автомобиля был местным жителем города Ин, только что вернувшимся из Шаочэна, где он навещал родственников. В багажнике было полно тушеного мяса с пшеном, а сам он был мужчиной лет сорока с простыми социальными связями, не имевшим никакого отношения к Ши Юаню и Цзян Даню, и у него не было злого умысла.

Тем не менее, водитель все равно нес основную ответственность, и его семья должна была компенсировать ущерб Цзян Даню и другим.

На этом дело было закрыто.

В ту же ночь они сели на старый зеленый поезд с номером, начинающимся с цифры, чтобы вернуться в Шаочэн. Первой причиной было то, что билеты на скоростные поезда купить было невозможно, а второй — их предположение, что Ши Юань, судя по его обычной реакции, лучше перенесет укачивание в старом поезде.

И действительно, проведя ночь в трясущемся и то и дело останавливающемся поезде, на следующее утро Ши Юань вышел в отличном состоянии, совсем не чувствуя тошноты. А Цзян Дань был в более плачевном состоянии: в старом поезде было грязно и неудобно, и он чувствовал себя так, словно его тело покрылось насекомыми.

Утром они разошлись на вокзале, каждый направился к себе домой.

Цзян Дань отдыхал два дня, и к воскресному вечеру начал чувствовать, что чего-то не хватает. Проверив телефон, он понял, что Ши Юань не связывался с ним с тех пор, как они вернулись.

С тех пор как Ши Юань устроился на работу, он любил время от времени писать Цзян Даню в

WeChat, особенно за две недели до этой поездки, когда их вечерние беседы стали почти ритуалом.

Потому его двухдневное молчание заставило Цзян Даня немного беспокоиться.

Цзян Дань, приняв душ, лег в постель и, подумав, все же написал Ши Юаню:

— Завтра на работу?

Было десять вечера.

Но ответа он так и не дождался.

Цзян Дань полистал другие приложения, но это было скучно, и его веки становились все тяжелее. В итоге он заснул, держа телефон в руке.

В два часа ночи экран телефона Цзян Даня внезапно загорелся, и появилось сообщение.

Ши Юань ответил:

— Конечно. Соскучился по тебе.

Цзян Дань, как обычно, появился в студии в костюме. Проходя мимо Ши Юаня, он заметил, что тот сегодня был в желтой толстовке и, казалось, крепко спал, положив голову на стол. Но когда Цзян Дань прошел мимо, он внезапно проснулся и поднял голову, чтобы посмотреть на него.

В тот момент глаза Ши Юаня загорелись, его взгляд был пылающим.

— Доброе утро.

Цзян Дань кивнул ему, вспоминая сообщение в WeChat, которое так и осталось в диалоге: «Соскучился по тебе». Под взглядом Ши Юаня он почувствовал, как внутри стало тепло.

На то сообщение Цзян Дань не ответил. Оно было слишком двусмысленным, и он считал, что это не то сообщение, которое мог бы отправить Ши Юань. Если бы Ши Юань сказал, что в его доме завелся призрак, да еще и женский, Цзян Дань поверил бы скорее.

Но он явно недооценил или даже неправильно оценил Ши Юаня. Это горячее и двусмысленное сообщение было только началом. Ши Юань, который два дня молчал, словно стал другим человеком. Его взгляд на Цзян Даня больше не был нерешительным и растерянным, а стал открыто пылающим, словно жаркое послевкусие солнца в день летнего солнцестояния.

К тому же, он стал приставать к нему за обедом, потом за кофе, и время от времени тайком отправлял смешные стикеры, явно наслаждаясь этим, как навязчивая записка, которая прилипает в любой момент.

Цзян Дань, вернувшись, был занят. Ему нужно было обновить фотографии на официальном блоге студии, а также собрать материалы и вдохновение для следующей съемки, утвержденной Кан Фаньсином, потому что задерживался допоздна.

Ши Юань тоже не уходил. Цзян Дань работал за своим столом, а Ши Юань лежал на маленьком диване позади него, обнимая подушку, и отказывался возвращаться в отель, заявляя, что жить в отеле слишком дорого, и требуя, чтобы начальник обеспечил ему жилье.

Цзян Дань пытался отправить его, но он сказал:

— Я не могу оставить тебя одного здесь.

Цзян Дань не понял:

— Чего тут не оставлять?

Ши Юань ответил:

— Мы что, зря тогда рассуждали? Или теперь только я один помню, что кто-то хотел тебе навредить?

Цзян Дань помолчал, затем сказал:

— Я сам не знаю, что сейчас думать.

— Не думать тоже можно, но хоть осторожнее надо быть, — настаивал Ши Юань. — В день собеседования я говорил: если понадобится, могу быть твоим телохранителем. Теперь пришло время сдержать обещание.

Цзян Дань был ошеломлен, но через некоторое время произнес:

— Ты просто ворон.

Но молча позволил ему остаться.

Ближе к полуночи, когда все стихло, в студии осталось только освещенное пространство вокруг Цзян Даня. Ши Юань дышал ровно позади него. Цзян Дань сохранил изображения и обернулся, чтобы посмотреть на него. Ши Юань, уткнувшись лицом в подушку, выглядел совсем не так, как в бодрствующем состоянии, а скорее смиренно.

Цзян Дань оказался в затруднительном положении. Ему нужно было домой, но он не знал, как поступить с этим Ши Юанем.

Оставить его на диване он не мог, а взять домой... Цзян Дань резко покачал головой. Это было совершенно невозможно.

Подумав, он подошел к дивану и разбудил Ши Юаня:

— Спрошу в последний раз: правда не в отель?

Ши Юань крепко спал и, раздраженно махнув рукой, собирался перевернуться и продолжить спать. Но Цзян Дань вздохнул:

— Вставай, пойдем внутрь.

Он прибрал маленькую комнату с душем, которую когда-то использовал для отдыха. Она давно не использовалась, потому была покрыта пылью, и пришлось открыть окно, чтобы проветрить.

Ши Юань удивился, поднял бровь:

— У тебя тут как ты только комната есть? Для любовницы на стороне?

Он совершенно не осознавал, что сам сейчас станет тем, кого прячут.

Цзян Дань не стал с ним спорить, устроил этого маленького проблемного персонажа и ушел домой. Он думал, что Ши Юань сразу же уснет, но тот, рассчитав время, отправил сообщение как раз в тот момент, когда Цзян Дань переступил порог дома:

— Дома?

Получив ответ, он добавил:

— Спокойной ночи.

В качестве благодарности за бесплатное жилье, предоставленное Цзян Данем, Ши Юань стал вести себя еще более нагло. Например, он тайком заменил файлы в рабочей папке на компьютере Цзян Даня. Тот обнаружил это только во время встречи и, обыскав все, был вынужден открыть папку с названием «Ши Юань супер красавчик», где и нашел свои рабочие материалы.

Таким образом, все увидели, что на компьютере Цзян Даня есть такая странно названная папка.

Открытые знаки внимания и детские провокации Ши Юаня не остались незамеченными в студии, и вскоре все заговорили об этом. Через несколько дней Кан Фаньсинь, нахмурившись, предупредил Цзян Даня:

— С Ши Юанем что-то не так.

— Ага, — спокойно ответил Цзян Дань, не торопясь, и добавил:

— Ты тоже заметил?

Кан Фаньсинь забеспокоился:

— Не только я, даже Фэн Синьчжун, который только химией и живет, должен был заметить! Подожди, ты что, знал? И что думаешь?

Цзян Дань ничего не сказал, а через некоторое время покачал головой:

— Позже поговорю с ним.

Это был его обычный способ справляться с подобными ситуациями. Так он поступал с девушками, которые симпатизировали ему в офисе: сначала поговорить, а если не получится — уволить.

Но с Ши Юанем... Почему-то Цзян Дань чувствовал себя неуверенно, будто эта беседа может стать для него точкой невозврата.

Кан Фаньсинь тоже был против:

— Как ты будешь с ним говорить? Судя по его характеру, он хочет, чтобы весь мир знал, что ты ему нравишься, и ждет, когда ты все прояснишь, чтобы тогда можно было вести себя еще наглее.

Цзян Дань спросил:

— И что предлагаешь?

Кан Фаньсинь, чьи последние отношения были еще в школе, напряг все свои мозги и вдруг хлопнул себя по лбу:

— Надо делать наоборот. Он хочет ясности? Тогда мы сделаем вид, что мы в танке, и... задушим это в зародыше!

Цзян Дань: ?

Кан Фаньсинь уверенно похлопал его по плечу:

— Спроси с меня. Завтра вечером все будет по моему плану.

Цзян Дань посмотрел на него и молча согласился.

<http://bllate.org/book/16880/1556071>